

Е. А. Гуревич (Москва)

«ПРЯДЬ О ТОРСТЕЙНЕ МОРОЗ-ПО-КОЖЕ»: ПРОБЛЕМЫ ТЕКСТА И ЖАНРА

Хорошо известно, что в основе фабулы «прядей об исландцах», действие которых происходит в Норвегии, как правило, лежит конфликт между главным героем и его могущественным антагонистом — конунгом или замещающим его знатым человеком. Джозеф Харрис¹ называет этот центральный элемент композиции прядей *Отчуждением* (Alienation) и утверждает, что, как и последующее *Примирение* (Reconciliation), он может быть обнаружен во всех прядах об исландцах на чужбине — так называемых *útanferðar þættir* («прядах о поездках из страны»). Вместе эти структурные элементы составляют ядро пряди, образуя пару, по значимости подобную той, которая была выделена В. Я. Проппом для сказки, где базовые функции VIII. *Вредительство* / VIIIa. *Недостача* и XIX. *Ликвидация беды или недостачи* присутствуют во всех без исключения волшебных сказках².

Оставляя в стороне вопрос о том, насколько точно подобные категории характеризуют взаимоотношения главных персонажей этих рассказов, приходится заметить, что предложенная Харрисом схема строения центральной части повествования прядей (*Отчуждение* / *Примирение*) носит слишком общий характер, чтобы ее можно было применять в качестве действенного инструмента исследования. Спору нет: попытка выделения даже самой общей структурной схемы, лежащей в основании всех без исключения произведений данного типа, несомненно, оправдана, поскольку только таким образом и удастся очертить границы довольно значительной группы рассказов (*útanferðar þættir*), в композиции которых наблюдается определенное сходство. Однако полученная в результате подобной процедуры универсальная схема совершенно недостаточна для того, чтобы, применяя ее, анализировать входящие в эту группу тексты. Так, очевидно, что с ее помощью невозможно выявить — если только они не бросаются в глаза — ни наличествующие в этих текстах общие мо-

дели, ни совпадающие мотивы, ни повторяющиеся детали — словом, ничего из тех разнообразных и разноплановых типов связей, которые объединяют далеко не все, но лишь отдельные входящие сюда истории.

Между тем у нас имеются все основания предполагать присутствие в прядях и таких «неуниверсальных» схождения, способных пролить свет на специфику строения и жанра этих рассказов. Например, обращает на себя внимание тот факт, что от способа инициации конфликта главных персонажей во многом зависит и весь дальнейший ход повествования. Те или иные стандартные проступки протагонистов-исландцев (или, если отчуждение провоцируется другой стороной, — недружественные действия их могущественных оппонентов) обыкновенно влекут за собой известные сюжетные последствия, тем самым предопределяя и прочие структурные особенности рассказа. Уже из этого можно заключить, что «пряди о поездках из страны» не представляют собой вполне монолитной группы. При ближайшем рассмотрении выясняется, что они распадаются на ряд подвидов, каждый из которых демонстрирует присущие лишь ему черты. Об особенностях преломления одного из таких структурных типов в конкретном произведении и пойдет речь в дальнейшем.

«Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже» (*Þorsteins þáttur skelks*)³ принадлежит к весьма небольшой группе историй, в которых «отчуждение» между исландцем и правителем Норвегии возникает вследствие нарушения протагонистом королевского запрета. Среди характерных примет рассказов этого типа — христианская тематика и то, что в каждом из них имеет место встреча героя со сверхъестественным. Кроме того, у прядей этого типа наблюдается сходная композиция. Их общая структурная особенность — «рамочная» конструкция, в которой отчет об испытаниях, выпавших на долю героя в результате того, что он посмел ослушаться государя, неизменно представляет собой автономное, «вложенное» повествование, а рассказ, посвященный взаимоотношениям исландца с конунгом, — его обрамление.

К числу непрременных «параметров» обрамленного эпизода можно отнести следующие: а) место действия, отличное от того, где разворачиваются события главного рассказа (так, в другом произведении этой группы, «Пряди об Эгиле сыне Халля с Побережья»⁴, это — Гаутланд, тогда как основное действие происходит в Норвегии и Дании; в «Пряди о Торстейне Любопытном»⁵ — некие неведомые земли, в которые герой отправляется из Норвегии и из которых он затем возвращается восвояси; в «Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже», где перемещения центрального персонажа ограничены пределами усадьбы, это — отхожее место vs. жилище норвежского бонда); б) состав персонажей, целиком или частично несовпадающий с тем, с которым герой взаимодействует в главном рассказе (в только что упомянутой «Пряди об Эгиле» это — ярл Вальгаут и его приближенные; в истории Торстейна Любопытного — отшельник и змей — страж

золотой роши; в пряди о Торстейне — черт); в) враждебный характер взаимодействия по крайней мере с частью персонажей обрамленного эпизода: в каждой из названных здесь историй жизнь героя подвергается опасности; г) поведение исландца и поступки, которые он совершает в рамках «обрамленного» эпизода, неизбежно приводят к благотворной перемене в его судьбе, так что по возвращении наградой ему становится расположение или даже особая милость государя.

В остальном же «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже» демонстрирует ряд особенностей, заставляющих более пристально исследовать ее жанровый «контекст».

Прежде всего мы не найдем здесь обычной для подобных рассказов схемы развертывания действия: *нарушение запрета* → *конфликт* → *выполнение трудного задания* → *разрешение конфликта*. События в этой пряди развиваются по несколько иному сценарию. Нарушение героем королевского запрета влечет за собой немедленное воздаяние — протагонист-исландец попадает в опасную ситуацию, из которой ему удастся выйти невредимым исключительно благодаря собственной смекалке и храбрости: именно эти качества позволяют ему добиться своевременного спасительного вмешательства христианского короля, помогающего ему избежать гибели. Они же дают герою возможность заслужить расположение этого правителя — несмотря на проявленное исландцем своеволие, конунг, оценив по достоинству его бесстрашие, находчивость и веру, охотно прощает нарушителя и делает его своим дружинником. Проступок главного персонажа имеет, таким образом, не вполне «программируемые» последствия: вместо традиционного конфликта исландца с государем, искупительного испытания, через которое проходит герой, и его конечного примирения с правителем он влечет за собой немедленную расплату за содеянное (по сути дела то же испытание) и избавление, которое приносит герою вмешательство конунга.

Напомним содержание пряди. Исландец по имени Торстейн был в числе тех, кто сопровождал Олава Трюггвасона в его поездке по пирам. Остановившись в одной усадьбе, конунг перед отходом ко сну распорядился, чтобы ночью никто из его людей не смел выходить один в отхожее место. В нарушение королевского запрета Торстейн, пробудившись среди ночи, решает не тревожить крепко спящего соседа и отправляется в нужное место без сопровождения. Тут-то и выясняется, что конунг не зря предостерегал своих воинов. В отхожем месте исландец встречается с чертом — неким Торкелем Тошним, павшим в легендарной «битве народов» вместе с датским конунгом Харальдом Бозубом (таким образом, *rúki* — «черт» по происхождению оказывается курганным жителем, в связи с чем в тексте пряди различные наименования нечистого — *rúki*, *dólgri*, *fjándi*, *skelmir*, *drysjildjöfull* — чередуются со словом, обозначающим привидение или «живого мертвеца» — *draugr*)⁶. Вступив в беседу с вы-

ходцем из преисподней, исландец, дабы протянуть время, расспрашивает его, кто из ее обитателей лучше всех, а кто, напротив, хуже всех переносит адские муки. Оказывается, что наибольшее мужество проявляет величайший из скандинавских героев — Сигурд Убийца Дракона Фафнира, а всех малодушнее ведет себя датский витязь Старкад Старый, чьи несмолкаемые вопли не дают покоя бесам.

Между тем из текста пряди остается не до конца понятным, на какое наказание обречен на том свете Сигурд Убийца Дракона Фафнира: нельзя даже исключить, что в единственный сохранившийся список этого рассказа в «Книге с Плоского Острова» (*Flateyarbók*) вкралась ошибка. Торстейн спрашивает у черта, какую муку терпит Сигурд, и слышит в ответ, что тот «топит пылающую жаром печь» (*Hann kyndir ofn brennanda*). Исландцу это наказание представляется не таким уж суровым, однако посланец ада с ним не соглашается: «*Ekki þykir mér það svo mikil písl, segir Þorsteinn. 'Eigi er það þó', kvað þúki, 'því að hann er sjálfur kyndarinn'. 'Mikið er það þá', kvað Þorsteinn*»⁷. («„Мне это не кажется слишком большой мукой“, — говорит Торстейн. „И все же это не так, — сказал черт, — потому что истопник — это он сам“. „Тогда это немало“, — сказал Торстейн.») Остается неясным, почему черт считает наказание топящего печь Сигурда весьма суровым, главное же: совершенно непонятно, почему аргумент, приведенный посланцем ада («потому что истопник — это он сам»), оказался достаточным для того, чтобы легко переубедить собеседника и заставить последнего сразу изменить свое мнение о тяжести загробной муки Сигурда.

Дабы прояснить текст и устранить очевидную неувязку, М. И. Стеблин-Каменский, переводчик пряди на русский язык, несколько отступает от оригинала: «„Ну это уж не такая мука“, — говорит Торстейн. „Да, конечно, — сказал черт. — Ведь он сам топит“. „Все же это большое дело“, — сказал Торстейн...»⁸ Вследствие внесенной поправки (черт, как видим, уже не разубеждает исландца, но, напротив, соглашается с ним!) у читателя складывается твердое впечатление, что загробные страдания Сигурда несравненно легче участи другого героя — Старкада.

Подобная интерпретация, казалось бы, находит надежную опору во всем, что нам известно о личных качествах, традиционно приписываемых каждому из этих героев древности. В отличие от безупречного нравственно и физически, идеального богатыря, каким неизменно изображается Сигурд, чей светлый образ ничуть не померк, даже будучи поставлен рядом с героями «нового времени» — христианскими конунгами-миссионерами (о чем, например, свидетельствует помещенная в том же собрании королевских саг, что и рассказ о Торстейне, «Прядь о Норна-Гесте»), предатель и злодей Старкад, ведущий свой род от великанов, и сам — безобразный клыкастый великан, представлялся фигурой мрачной и способной внушать отвращение и ненависть. Поэтому кажется естественным, что и в аду,

на который оба этих героя были обречены как язычники, им могла быть уготована разная участь. Ведь преступления Сигурда исчерпались тем, что он не был христианином, следовательно, и расплата его могла быть не столь суровой, как кара Старкада, которому вдобавок приходилось держать ответ за свои дурные дела. Поскольку же Торстейна в первую очередь интересовал вопрос, «кто лучше всех» и «кто хуже всех терпит адскую муку», то опять-таки совершенно естественно, что Сигурд и в этом должен был одержать верх над Старкадом, подобно тому как в другой истории («Прядь о Норна-Гесте») он одним своим видом обратил его в позорное бегство и затем, догнав, выбил его страшные клыки⁹.

Возможно, однако, и весьма отличное прочтение этого неясного места, которого, в частности, придерживаются переводчики «Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже» на другие языки. Так, согласно новейшему и самому полному англоязычному переводу прядей и «саг об исландцах», Сигурд вынужден исполнять роль не только «истопника», но еще и «топлива» для разжигаемой им печи, иными словами, оказывается обреченным на то, чтобы сжигать в ней самого себя. Это позволяет объяснить тяжесть страданий, выпавших на долю героя, и соответственно подчеркнуть проявляемую им стойкость (ср.: «‘What kind of torment does he suffer?’ ‘He kindles the oven,’ answered the ghost. ‘That doesn’t strike me as much of a torment,’ said Thorstein. ‘Oh yes it is,’ replied the demon, ‘for he is also the kindling!’ ‘There is something in that then,’ Thorstein said»). Перевод А. Максвелла)¹⁰. Аналогичную интерпретацию этот обмен репликами получает и в переводе пряди на датский язык: «Hvad pines han med?» «Han fyger i en brændende ovn», sagde genfærdet. «Det forekommer mig ikke at være en særlig stor pine», siger Thorstein. «Det er det nu alligevel», sagde djævelen, «for han er selv brændet», «Så er den stor», sagde Thorstein...»¹¹ Подобная интерпретация предполагает конъектуру и базируется на допущении, что переписчик по ошибке употребил неверное слово. Что же касается самого этого слова, то исландское *kundarinn* «тот, кто зажигает», существительное мужского рода в определенной форме с суффиксом *nomen agentis* -ari, заведомо не допускает никакого иного толкования. И тем не менее только произведенная в процитированных переводах замена субъекта действия объектом способна, во-первых, устранить отмеченные несообразности в диалоге, а во-вторых, что самое существенное, восстановить утраченный параллелизм двух рядов высказываний, относящихся к обсуждаемым персонажами пряди эпическим героям. В самом деле: подобно тому, как Торстейн, до тех пор пока он не получает дополнительные разъяснения от черта, в силу неполноты первоначального сообщения, сделанного его собеседником, не способен верно оценить наказание Сигурда, он по той же причине ошибается и насчет тяжести страданий Старкада (ср. диалог, посвященный этому герою: «„Какую же это муку он так плохо терпит? Ведь он всегда был здо-

ровущий, как рассказывают“. — „Он весь по циклолотки в огне“. — „Ну это не такая уж великая мука, — сказал Торстейн, — для такого героя, как он“. — „Не скажи, — отвечало привидение. — Ведь у него торчат из огня одни ступни“. — „Да, это великая мука“, — сказал Торстейн...») ¹². Как видим, при условии внесенного исправления ситуация и в том, и в другом случае получает поистине анекдотическое разрешение (забегая вперед, заметим, что жанр, к которому более всего тяготеет центральный эпизод пряди, — встреча исландца с чертом, это анекдот): и там, и там положение исправляет неожиданная и яркая деталь, придающая совершенно иной смысл предшествующей реплике оппонента.

Узнав, что ад постоянно оглашается отчаянными воплями Старкада, Торстейн (как он затем объяснит свое поведение Олаву Трюгтвасону) в расчете на то, что крики нечистого заставят конунга пробудиться и поспешить ему на помощь, просит черта «повопить, как он». Бесенок соглашается и, побуждаемый исландцем, издает ему в угоду три пронзительных вопля, один ужаснее другого, причем с каждым разом пересаживается поближе к Торстейну с явным намерением утащить его в преисподнюю. От последнего, самого страшного, вопля нашему герою «стало невмоготу», и он упал без чувств, однако в тот же момент зазвонил колокол, при звуке которого черт провалился сквозь пол, так что еще «долго был слышен гул от него внизу в земле». Утром в ответ на недовольный вопрос Олава, не выходил ли кто ночью один в отхожее место, Торстейн повинился в том, что нарушил его волю. У конунга это не вызвало гнева: его поступок не причинил «большого вреда», однако он подтвердил правоту тех, кто говорит, что исландцы «очень строптивы». Тогда Торстейн поведал о том, что с ним произошло. Он утверждал, что не испугался криков, которые издавал нечистый, поскольку ему вообще неизвестно, что такое страх, однако все же признался, что от последнего вопля черта у него пробежал мороз по коже (*skelkr*). Отсюда — прозвище, данное ему конунгом.

Принадлежность рассматриваемой истории к «прядям о поездках из страны» не требует доказательств — заезжий исландец, с честью выдержав выпавшее на его долю нелегкое испытание и перехитрив самого черта, завоевывает уважение конунга и становится его приближенным (как явствует из заключения, Торстейн после этого случая навсегда остался с Олавом Трюгтвасоном и погиб на Великом Змее вместе с другими его воинами). Перед нами — один из многочисленных рассказов, прославляющих бесстрашие и находчивость исландцев, сумевших своими силами добиться высокого положения в Норвегии.

Тем не менее сказанное не мешает одновременно видеть в «Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже» христианскую легенду о чудесном спасении героя конунгом-миссионером ¹³. И хотя, казалось бы, Олав Трюгтвасон не совершает в этом рассказе ничего из ряда вон выходящего, кроме того, что он предвидит возможность встречи с нечис-

той силой, подстерегающей его людей в отхожем месте, во всяком случае — ничего такого, что требовало бы именно его вмешательства (ударить в церковный колокол, чтобы прогнать беса, мог, разумеется, кто угодно, вовсе не обязательно король-креститель, окруженный в глазах исландцев ореолом святости), Торстейн был обязан своим избавлением исключительно ему¹⁴. Ведь при всей эффективности «самозащиты», выстроенной героем пряди, хитрости, к которым он прибегал, общаясь с чертом, были направлены лишь на то, чтобы протянуть время и разбудить конунга, — исландец от начала и до конца связывал свое спасение только с той помощью, которая должна была прийти от Олава. И его упования не были напрасны: помощь действительно подоспела, причем в тот самый момент, когда черт, приблизившись, наконец, к своей жертве, уже готов был схватить ее и утащить в ад. В этом своем качестве — легенды о чудесном спасении или содействии, оказанном герою святым государем, — «Прядь о Торстейне Мороз-по-Коже» может быть поставлена в один ряд с другими рассказами христианского содержания, в том числе и с теми, в которых, как и в нашей истории, повествуется о последствиях нарушенного героем-исландцем королевского запрета.

Впрочем, явно недостаточно связывать прядь о Торстейне лишь с этой традицией. Подобно тому как христианские представления о загробном мире сливаются или причудливо переплетаются в ней с языческой верой в живых мертвецов (как уже отмечалось, посланцем ада, бесом здесь оказывается выходец из «мира людей» — павший в битве воин!), рассказ об общении исландца с чертом не может рассматриваться отдельно от других образцов несомненно исконного и, по всей видимости, весьма старинного жанра — неоднократно описываемых в древнеисландской литературе словесных поединков героев со сверхъестественными существами. Тем более что и в этих столкновениях (вспомним, например, эддические состязания в мудрости или не раз изображаемые встречи с великанами, в ходе которых происходил обмен поэтическими «выпадами»)¹⁵, и в пряди о Торстейне в разговоре-поединке с представителем мира иного на карту была поставлена жизнь одного из его участников. Среди известных произведений этого типа можно найти и такие, в которых словесное состязание противников также принимает форму выпрашивания оппонента, причем расспросы преследуют те же самые цели, что и в рассматриваемой истории, — перехитрить собеседника и протянуть время до определенного момента, обеспечив тем самым поражение врага и собственную победу. В эддических «Речах Альвиса» Тор, вынуждая явившегося за его дочерью карлика сообщать ему сведения о том, как что зовется в «разных мирах», намеренно доводит разговор до рассвета, когда застигнутый лучами солнца непрощенный ночной гость из «подземелья» превращается в камень¹⁶. Беседе нашего героя с чертом сопровождают, таким образом, не только отблески адского пламени и устрашающие звуки преисподней, но и

не менее мрачные реминисценции отчетов о других приключениях подобного рода, инициаторами которых также были незваные выходцы из иных «пределов», с той лишь разницей, что они имели место задолго до *sipaskipti* («смены обычаев») — принятия христианства.

Между тем выше был назван еще один жанр, к которому анализируемая история может быть отнесена ничуть не с меньшим основанием. Этот жанр — анекдот. Уже приходилось упоминать о характерном именно для анекдота строении диалогов главных действующих лиц, обсуждающих адские муки грешников — героев скандинавской древности. Однако анекдотическое решение, по-видимому, получает и вся ситуация столкновения Торстейна с чертом. И не только потому, что герою удается без особого труда перехитрить нечистого. Как ни трудно проникнуть в то, что представлялось «комическим» или «трагикомическим» в далекой от нас культурной традиции, особа и поведение явившегося исландцу беса, как предполагается, изображены в пряди не без юмора¹⁷. Начать с того, что несомненно снижен самый образ собеседника исландца. Визитером из преисподней оказывается, собственно, не черт, но *drysil djöfull* «ничтожный дьяволенок» (как он сам аттестует себя и подобных себе служителей ада!), *fjandi jafnlitill* «маленький бесенок», *eigi meiri rúki* «чертенюк» (каким он видится герою рассказа). Поступки и повадки этого «мелкого беса», вероятно, также были способны вызывать не только страх, но и смех, например то, с какой готовностью он всякий раз спешил удовлетворить любопытство своей предполагаемой жертвы и в ответ на просьбу Торстейна «немного повить, как Старкад» послушно и со старанием завывал, широко разевая пасть и выкатывая глаза от натуги. Придавать комизм рассказу должно было, кроме того, и место, где произошло явление беса, и, наконец, то обстоятельство, что обратный путь в ад нечистый был вынужден проделать прямоком через яму с нечистотами, в которую он провалился сквозь пол нужника с первыми звуками колокола. Снижение образа черта и вообще смеховая трактовка ужасного с целью сделать его переносимым, как известно, характерны для всей средневековой литературы¹⁸.

Надо полагать, что из взаимодействия этих трех, в самых общих чертах обрисованных здесь жанровых источников и возник тот не имеющий аналогий «сплав», который заставляет видеть в «Пряди о Торстейне Мороз-по-Коже» произведение, не исчерпывающееся его принадлежностью к рассказам, прославляющим храбрых и находчивых исландцев, вступающих в столкновение с правителями Норвегии.

¹ Harris J. C. Genre and Narrative Structure in Some *Íslendinga Þættir* // Scandinavian Studies. 1972. Vol. 44. P. 7.

² *Pronn B. Я.* Морфология сказки. Изд. 2-е. М., 1969. С. 26, 33–38, 51–52.

³ *Þorsteins þáttur skelks* // *Íslendinga sögur og þættir*. I–III / Ed. Bragi Halldórsson et al. (Svart á hvítu). Reykjavík, 1987. III. Bls. 2291–2293.

⁴ *Egils þáttur Síðu-Hallssonar* // *Íslendinga sögur og þættir*. III. Bls. 2108–2114.

- ⁵ Þorsteins þáttur forvitna // Íslendinga sögur og þættir. III. Bls. 2284–2285.
- ⁶ О смешении языческих и христианских представлений о загробном мире в этой пряди см.: Гуревич А. Я. «Прядь о Торстейне Мороз-по-коже», загробный мир и исландский юмор // Скандинавский сборник. Таллин, 1979. Т. XXIV. С. 125–131.
- ⁷ Íslendinga sögur og þættir. III. Bls. 2291.
- ⁸ Исландские саги / Под ред. О. А. Смирницкой. СПб., 1999. Т. II. С. 459.
- ⁹ Norma-Gests þáttur // Fornaldar sögur norðurlanda / Ed. Guðni Jónsson. Akureyri, 1954. Bd. I. Bls. 321–324.
- ¹⁰ The Complete Sagas of Icelanders / Ed. Viðar Hreinsson et al. Reykjavik, 1995. Vol. I. P. 395.
- ¹¹ Tyve Totter fra sagaerne om de norske konger / Oversættelser, indledning og noter M. L. Rønsholdt. København, 1986. S. 47.
- ¹² Исландские саги. Т. II. С. 459.
- ¹³ Ср.: Lindow J. Þorsteins þáttur skelks and verisimilitude of supernatural experience in saga literature // Structure and Meaning in Old Norse Literature. New Approaches to Textual Analysis and Literary Criticism / Ed. J. Lindow, L. Lönnroth, G. W. Weber. Odense, 1986. P. 264–280; Rowe E. A. Cultural Paternity in the Flateyjarbók Óláfs saga Tryggvasonar // Alvissmál. 1998. Nr. 8. S. 3–28.
- ¹⁴ Ср.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 126. В противоположность высказанной здесь точке зрения автор статьи придерживается того мнения, что данная прядь — «это рассказ не о том, “как король прогнал черта”, а о том, “как Торстейн перехитрил черта и не испугался его”». Как я пытаюсь показать, одно не исключало другого.
- ¹⁵ Об одном из таких столкновений — разговоре великанши с Браги — см.: Гуревич Е. А., Матюшина И. Г. Поэзия скальдов. М., 2000. С. 45–49.
- ¹⁶ О «Речах Альвиса» см.: Klingenberg H. Alvissmál: Das Lied vom überweisen Zwerg // Germanisch-romanische Monatsschrift. 1967. Bd. 17. N 2. S. 113–142.
- ¹⁷ См.: Гуревич А. Я. Указ. соч. С. 129–131. Дж. Харрис называет эту прядь «фарсом»; см: Harris J. Theme and Genre in Some Íslendinga Þættir // Scandinavian Studies. 1976. Vol. 48. P. 14.
- ¹⁸ Гуревич А. Я. Указ. соч.; Он же. Проблемы средневековой народной культуры. М., 1981. Гл. VI.